

Наталья Никольская

Пятая жертва

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

Никольская, Н.

Н64 Пятая жертва / Н. Никольская. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 176 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-517-00337-9

Маньяк систематично убивает людей, оставляя на месте преступления загадочный след. Что он означает и кому адресован? Можно ли прервать жуткий круг преступлений? Конечно, если за дело берется глава службы безопасности фирмы «Кайзер» Валентина Вершинина.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00337-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

Глава 1

Валера Толкушкин повернулся на дерматиновом диване и посмотрел на часы, висевшие над пультом. «Четвертый час. Похоже, сегодняшнее дежурство будет спокойным», — подумал он и сел, опершись руками о стол. Он пододвинул к себе пачку сигарет, закурил и посмотрел на свое искаженное отражение в натертом до блеска боку электросамовара.

На другом таком же диване дремал Маркелов. Валера посмотрел на него. В это время на пульте замигала красная лампа, и помещение дежурки наполнилось резким пульсирующим звуком. «Ну вот, сглазил», — подумал Толкушкин, быстро сунул ноги в кроссовки и, подбежав к пульту, открыл регистрационный журнал.

— Вадик, — повернув голову, крикнул он Маркелову, — подъем.

— Не глухой, слышу, — отозвался Маркелов, опуская ноги на пол, и поморщился, — да выключи ты эту сирену.

Толкушкин щелкнул тумблером на панели пульта, и в комнате воцарилась тишина.

— Далеко ехать? — Маркелов подошел и тоже склонился над журналом.

— Да нет, рядом совсем — на Шевченко. Трауберг Маргарита Львовна.

— Я буду ждать в машине, — Вадик повернулся и пошел к выходу.

— Я уже иду, — Валера сделал в журнале последние отметки и тронулся следом.

Серая майская ночь встретила их прохладой и сыростью. Как говорили синоптики, такого холодного мая не было с тысяча девятьсот восемнадцатого года. Сев в «Ниву», полученную два дня назад из ремонта, Маркелов вставил ключ в замок зажигания.

Мамедов, сидевший в ту злополучную ночь, когда на него был совершен наезд, за рулем, чудом остался жив. Он успел в последнее мгновение свернуть на тротуар, спасаясь от мчавшегося прямо на него ЗИЛ-самосвала, и теперь находился в больнице с сотрясением мозга и переломом плеча.

Маркелов повернул ключ и, не давая двигателю прогреться, плавно выехал со двора. Мокрая после дождя дорога отражала свет фонарей и огни рекламы. По Рабочей «Нива» доехала до Вольской, потом свернула на Шевченко. У поворота к дому их нагнал милицейский УАЗик, озаряя пространство синими всполохами. Водитель УАЗика, узнав «кайзеровскую» «Ниву», несколько раз мигнул фарами.

— Хорошо хоть сирену не врубили, — подковырнул ментов Толкушкин.

Обе машины почти одновременно въехали во двор дома сталинской постройки и остановились у углового подъезда. Двери УАЗика распахнулись, и с заднего сиденья выпрыгнули два автоматчика в шлемах и броне-

жилетах. С переднего сиденья вышел старший лейтенант Силантьев и, указал пистолетом, который держал в руке, в сторону подъезда.

— Третий этаж, квартира двадцать два.

Автоматчики бросились в подъезд. Толкушкин с Маркеловым, поприветствовав лейтенанта, двинулись следом за ним. Силантьев остановился не доходя несколько ступеней до лестничной площадки третьего этажа, а автоматчики — перед металлической дверью, оклеенной пленкой под красное дерево. Один из них, который был повыше, взялся за ручку и, повернув ее, потянул дверь на себя. Другой, выставив вперед оружие, ринулся внутрь.

Подождав, когда оба автоматчика скроются за дверью, лейтенант тоже вошел в квартиру. Толкушкин с Маркеловым, стоя на лестничной площадке между вторым и третьим этажами, наблюдали за действиями тревожной группы.

— Ну что, пошли? — Толкушкин посмотрел на Маркелова и начал неторопливо подниматься.

Просторная вытянутая прихожая до потолка была отделана узкими панелями под бук и освещалась мягким рассеянным светом, льющим из галогенных светильников, направленных в потолок. По обе стороны высокого зеркала в старинной резной раме висели бра в виде газовых фонарей девятнадцатого века.

— Руками ничего не трогать, — лейтенант выглянул в прихожую.

— Не первый год замужем, — буркнул Маркелов.

У одной стены большой, почти квадратной гостиной, служившей одновременно и спальней, стоял раз-

ложенный диван-экспресс. Рядом с новеньким «сонитринитроном» — пара кресел с причудливо изогнутыми подлокотниками. Встроенный шкаф-купе. Старинный — громоздкий и немного аляпистый — сервант, на полках за узорчатым стеклом — слабо поблескивающий фарфор и хрусталь. Чуть поодаль — книжный шкаф...

Стены гостиной до уровня подоконника были отделаны темно-коричневым деревом, а выше — зелеными, цвета майской травы, шелковыми обоями. Освещала комнату бронзовая люстра с хрустальными подвесками.

Силантьев с автоматчиками стояли на светло-бежевом ковровом покрытии и смотрели на обнаженное тело молодой женщины, лежавшей на полу. Ее руки и ноги были связаны прозрачным скотчем, полоской такого же скотча был заклеен рот. На месте глаз зияли кровавые провалы.

Все вокруг было забрызгано кровью. Толкушкин, выглянувший из-за спины Маркелова, отпрянул, усиленно борясь с подступившей к горлу тошнотой.

— Валера, — повернулся к нему Маркелов, — сгоняй в ларек, купи чего-нибудь попить.

В другой раз Толкушкин бы начал сопротивляться приказанию старшего товарища, но сейчас безропотно повернулся и вышел.

Лейтенант сел на диван и снял трубку телефона, висевшего на стене.

— Алло, Горохов? Это Силантьев. У меня здесь труп на Шевченко. Я пришлю машину, отправь мне кинолога с собачкой, срочно. И бригаду криминалистов.

Он повесил трубку и снял с пояса рацию.

— Олег, дуй живо в отдел, заберешь там дежурного кинолога и мигом обратно, понял?

— Понял, — прохрипел в ответ голос водителя.

— Снова этот маньяк объявился, — ни к кому конкретно не обращаясь произнес Силантьев, — уже пятое убийство... И везде этот дурацкий знак оставляет.

Маркелов посмотрел на тело, куда указывал палец лейтенанта, и заметил, что на груди у жертвы было вырезано что-то вроде яблока, внутри которого была сделана надпись латинскими буквами.

— Скорее всего, жертва его знала, и в квартиру они вошли вместе, — продолжал лейтенант, — а сигнализация сработала, когда он уходил.

Маркелов подавил приступ зевоты и отвернулся.

— Значит, к нам претензий не будет. Тогда я пойду.

— Иди, — Силантьев посмотрел на высокого автоматчика, — Вова, сходи, разбуди соседей — нам понадобятся понятия.

Попрощавшись с лейтенантом, Вадим направился к выходу и в дверях столкнулся с Толкушкиным, державшим под мышкой двухлитровую бутылку спирта.

— Пойдем, нам здесь больше делать нечего. К нам претензий быть не может, — добавил он, видя, что Толкушкин удивленно поворачивает глазами.

Они спустились вниз и сели в машину. Развернувшись на пяточке у подъезда, Маркелов вырулил на дорогу.

30. месяц — неразборчиво, 1999.

Черт бы побрал эти ремонтные работы! Выключают воду — ни умыться, как говорится, ни подмыться... Что хотят — то и творят! Совдеп хренов!

Но самое главное — нельзя инструменты вымыть... Сполоснул, конечно, из чайника, но разве это дело? Что же мне теперь с собой бидончик прихватывать? Смех — смехом, а придется... Или это предупреждение?

Может, не угоден тебе труд мой, Господи? Или это случайность? Ох, верно, бес меня попутал, если я заговорил о превратностях судьбы, о нечаянностях всяких, забывая о промысле твоём, Господи!

Накажи раба твоего, подай знак... Или это и был знак, только я из-за своей гордыни все еще мню себя твоим избранником?

Нет уж... Просчитывать все надо тщательнее, чтобы не оказаться в дураках даже перед Господом. Учитывать все возможные и невозможные нюансы, вносить в стратегию и прожекты прихотливую динамику жизни... Тактика, тактика...

Жизнь... Разве справедливо, Господи, что даешь ты ее и дурным, и правым равной чашей? Нет, я не встаю с колен, не смотрю на тебя как равный, просто понять силюсь: какой же смысл вкладываешь ты в эту уравниловку?

Ужели дурные, оборотни, волхвы черные достойны видеть творение рук твоих, Боже? А сколько нечисти нынче развелось, сколько кривды и гордыни? И ты спокойно взираешь на это, не поразишь молнией эти Содом и Гоморру?

Знаю, знаю — ты меня призвал к этому, дал мне в надел этот край несправедливый, чтобы я очистил его от всякой мрази и гнили!

И она, эта стерва с рыжим лобком и наглыми глазами, — одна из многих, коим еще предстоит суд твой строгий и непредвзятый...

Ух, падла, сопротивляться задумала! Но я-то ей бы-стренько рот скотчем залепил... В следующий раз ос-мотрительнее надо быть. А то поиграть задумал...

Тело... Мерзость, непристойность, грех. Дух, дух и еще раз дух! Что тело? — гниющая оболочка... Я ос-вободил ее — выпустил на свободу душу. И полетела она, полетела... Попробуй догони, поймай! А темни-ца — в другой темнице, в крови и пыли.

Наследил, конечно...

Или ты осуждаешь меня, Господи? Вина моя — в ис-товом служении тебе! Дым стелется над вотчиной тво-ей, паства твоя — лишившееся пастуха стадо.

Но у тебя есть я, Господи, слуга твой вечный, предан-ный и терпеливый!

Доллары, Господи?

Ты же знаешь, как слаба плоть человеческая... Нет, не воля, а именно — плоть! Ведь ее питать нужно...

Ты же сам такими создал нас, грешных, но ищущих света!

И я указываю его ближним моим, закрываю им глаза в этой жизни, чтобы они смогли распахнуть их в иной, праведной, вечной...

А для этого мне нужно поддерживать в себе эту про-клятую брентную жизнь, дабы не споткнуться, не упасть, не выронить из рук меча, карающего неправых...

Итак, давайте знакомиться: меня зовут Вершинина Ва-лентина Андреевна. Мои подчиненные, сотрудники отде-ла безопасности фирмы «Кайзер», которую я возглавляю

вот уже три года, между собой называют меня Валандрой. Меня это не только не задевает, но даже нравится.

Составленное из имени и отчества, звучащих довольно банально, это прозвище, как мне кажется, таит в себе некую загадку, аллюзию и намек.

На что?

Для начала скажем, что Валандра запросто рифмуется с «саламандрой». Не слышится ли вам что-то ускользающе-волшебное и сказочное в этом прозвище?

И потом, оно созвучно с именем одного из самых обаятельных героев Булгакова — Воландом.

Только попрошу не путать его с разными там вульгарными «шлендрами», «шлындрами» и более нейтрально-корабельной «полундрой»!

Наша фирма занимается не только производством стальных дверей, установкой сигнализации и контролем за объектами, на которых данная сигнализация установлена. Служба безопасности фирмы «Кайзер» проводит также всякого рода расследования. Таким образом, сотрудники отдела безопасности «Кайзера» осмеливаются полагать себя детективами, каждый раз на практике доказывая себе и окружающим правомочность подобного полагания.

К нам обращаются как простые смертные, так и высокопоставленные чиновники, когда заходит речь о необходимости сохранить их репутацию в неподможенном состоянии. Видели бы вы, как они тушуются, в какое замешательство, а порой и агрессию впадают, когда в интересах дела приходится расспрашивать их на предмет каких-нибудь деликатных подробностей биографии или отношений с близкими!